

Ленин: «Взять власть тотчас!»

Судя по материалам о работе Петроградского Совета и публикациям в левой печати в конце сентября, петроградские рабочие и солдаты возлагали большие надежды на предстоящий съезд Советов, на котором будет создано новое революционное правительство. В отличие от них Ленин, однако, был убежден, что петроградские лидеры большевиков упускают последние драгоценные дни, когда еще можно было бы свергнуть Временное правительство сравнительно легко. Сначала из Выборга, а затем из квартиры Маргариты Фофановой на Выборгской стороне (северная окраина Петрограда, возле железной дороги из Петрограда в Финляндию) [1], где он скрывался, Ленин отправлял петроградскому руководству большевиков резкие статьи, в которых настойчиво требовал решительных действий, направленных на безотлагательное свержение Временного правительства.

Первая из этих критических статей, озаглавленная «О героях подлога и об ошибках большевиков», предназначалась для публикации в «Рабочем пути». Ленин начал с едкого и страстного обличения «комедии» Демократического совещания, социалистов большинства и Керенского, а закончил резкой критикой самих большевиков:

«Большевики должны были уйти {с Демократического совещания}... Большевики должны были, в числе 99/100 своей делегации, идти на фабрики и в казармы.... У большевиков получилось неправильное отношение к парламентаризму в моменты революционных (не — «конституционных») кризисов, неправильное отношение к эсерам и меньшевикам.... Ошибкой было со стороны тов. Зиновьева писать про Коммуну так двусмысленно (по меньшей мере двусмысленно), что выходило, будто, победив в Питере, Коммуна может потерпеть поражение, как во Франции в 1871 г. [2] Это абсолютно неверно. Победив в Питере, Коммуна победила бы и в России. Ошибкой было с его же стороны писать, что большевики сделали хорошо, предположив пропорциональный состав президиума в Петроградском Совете... Ошибкой было со стороны тов. Каменева говорить первую речь на Совещании в чисто «конституционном» духе, ставя смешной вопрос о доверии или «недоверии» к правительству» [3].

Написанная, когда Демократическое совещание близилось к концу, статья «О героях подлога и об ошибках большевиков» была опубликована в «Рабочем пути» 24 сентября под заголовком «О героях подлога». Причем та часть статьи, где Ленин критикует ошибки большевиков, напечатана не была.

Газетная статья «Из дневника публициста», написанная Лениным 22 — 24 сентября, действительно представляла собой как бы дневник. Приведем отрывок из записи за 22 сентября:

«Чем больше вдумываешься в значение так называемого Демократического совещания... тем тверже становится убеждение, что наша партия сделала ошибку, участвуя в нем... Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо их звать на борьбу. Надо им дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с его поддельным предпарламентом... Меньшевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам... они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров... Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими друзьями Кишкиных, друзьями корниловских помещиков и капиталистов».

На следующий день, 23 сентября, Ленин записывает:

«Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий! Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое совещание. Да здравствует бойкот! Ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний — не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни. Надо, во что бы то ни стало, добиваться решения

вопроса о бойкоте и пленумом Исполнительного комитета и экстренным съездом партии... Невозможны никакие сомнения насчет того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать гибельными...» [4]

Статья «Из дневника публициста» так и не была напечатана. Вместо нее редакция «Рабочего пути», в состав которой входили Сокольников, Троцкий, Каменев, Сталин и Володарский, начала публиковать (26 сентября) работу Ленина «Задачи революции», написанную в начале месяца, когда он еще всерьез думал о возможности компромисса с меньшевиками и эсерами.

К этому времени терпение Ленина уже почти истощилось. В довольно длинном письме к Смилге 27 сентября он с нескрываемым раздражением говорит о том, что большевики «теряют время», и рекомендует Смилге взять на себя инициативу подготовки свержения правительства Керенского:

«Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство... (Керенский в ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и сталкивается деловым образом). А мы что делаем? Только резолюции принимаем?.. По-моему, надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию — для этого переписать на машине и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам... Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением [председателя Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. — А.Р.]... все внимание отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского... Зачем терпеть еще три недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского?» [5]

Через два дня (весьма вероятно, в день своего возвращения в Петроград) Ленин вновь обращается к теме немедленного вооруженного восстания в статье «Кризис назрел». В этой статье он доказывал, что события в европейских странах свидетельствуют о том, что «мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции». Ленин утверждал, что сложившиеся в России благоприятные для большевиков обстоятельства обуславливают и особую ответственность большевиков, которые, если будут и дальше медлить с взятием власти в свои руки, станут «жалкими изменниками пролетарскому делу». В заключительной части статьи, предназначенной Лениным не для опубликования, а «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов», он подверг, пожалуй, самой уничтожающей критике линию, которую проводило в то время руководство большевиков. Мало того, Ленин даже заявил о своем намерении выйти из Центрального Комитета:

«Надо... признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за ожидание съезда Советов, против немедленного взятия власти, против немедленного восстания. Надо побороть это течение или мнение. Иначе большевики опозорили себя навеки и сошли на нет, как партия... «Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, ничего не может дать!.. Мы имеем тысячи вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут сразу взять и Зимний дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии... Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3 — 5 июля».

Свое намерение выйти из ЦК Ленин объяснил следующим образом:

«Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т.д. и т.д. — видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы погубим революцию» [6].

Нет никаких свидетельств о том, что вопрос о выходе Ленина из ЦК когда-либо рассматривался Центральным Комитетом. Что касается самого Ленина, очень скоро он начал принимать самое активное участие в работе ЦК, как будто не подавал никаких «прошений» о выходе из него.

Спустя два дня, то есть 1 октября, Ленин пишет «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» в надежде заручиться поддержкой в более широких партийных кругах и убедить их в необходимости немедленного вооруженного восстания. Он упоминает о репрессивных мерах, с помощью которых правительство усмиряет волнения в деревне, о революционном брожении в Германии, в частности в германском флоте, об успехе большевиков на выборах в Москве, о растущей поддержке, солдат, о крупных конфликтах железнодорожных и почтовых служащих с правительством. Все эти факты, утверждает Ленин, говорят о том, что «медлить — преступление», что «большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас». Этим они спасут «и всемирную революцию... и русскую революцию... и жизнь сотням тысяч людей на войне» [7].

В эти же дни Ленин подготовил воззвание «К рабочим, крестьянам и солдатам». В воззвании, предназначенном, очевидно, для самого широкого распространения в массах, Ленин, в частности, пишет:

«Товарищи! Посмотрите кругом себя, что делается в деревне, что делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дольше не могут...

Товарищи! Знайте, что Керенский ведет Опять переговоры с корниловскими генералами и офицерами, чтобы вести войска против Советов рабочих и солдатских депутатов, чтобы не дать власти Советам!..

Идите же все по казармам, идите в казачьи части, идите к трудящимся и разъясняйте народу правду:

Если власть будет у Советов... в России будет рабочее и крестьянское правительство, оно немедленно, не теряя ни дня, предложит справедливый мир всем воюющим народам..

Если власть будет у Советов, то немедленно помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа...

Нет, ни одного дня народ не согласен терпеть больше оттяжек!..

Долой правительство Керенского, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну!

Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!» [8]

В первые дни октября стало ясно, что Центральный Комитет уже не может успешно препятствовать распространению ленинских призывов — они явно начинали влиять на настроения в низовых партийных организациях. Еще в конце сентября один из призывов Ленина к активным действиям попал в воинственно настроенное Московское областное бюро ЦК. Ломов, член бюро и кандидат в члены ЦК, выступил от имени бюро на заседании Центрального Комитета 3 октября. Убеждая ЦК в необходимости начать подготовку к взятию власти, он сообщил, что массы в Москве и области настроены очень решительно, требуют действий, большевики имеют большинство во многих Советах, но вместо действий попусту теряют время. Центральный Комитет выслушал Ломова, но прений по докладу было решено не вести [9].

Примерно в то же время (3 или 4 октября) некоторые призывы Ленина дошли до сторонников решительных действий в Петербургском комитете [10]. До июльских событий лидеры петроградской партийной организации зачастую занимали гораздо более левые позиции по вопросам дальнейшего развития революции, чем ЦК, иногда они даже

самостоятельно принимали решения по важным политическим вопросам. В связи и этим отношения между членами Центрального и Петербургского комитетов стали довольно натянутыми. После июльских событий комитеты пришли к молчаливому соглашению — петроградская партийная организация не должна без согласования с ЦК принимать решения, которые могли бы иметь значение для всей страны, а Центральный Комитет, прежде чем принимать решения по важным политическим вопросам, должен по возможности запрашивать мнение Петербургского комитета. В целях лучшей координации действий и для налаживания связи между комитетами представителем ЦК в Петербургском комитете был назначен Бубнов [11].

Получив ленинские письма, лидеры Петербургского комитета поняли, что ЦК грубо нарушил сложившийся порядок. Он не только отверг предложение Ленина о подготовке вооруженного восстания без предварительных консультаций с Петербургским комитетом, но в течение всей второй половины сентября скрывал и искажал истинную ленинскую оценку хода событий и сложившегося положения. Когда все это стало известно, мнения членов Исполнительной комиссии Петербургского комитета (9 человек) разделились — большинство согласилось с точкой зрения Ленина, меньшинство считало вооруженное восстание преждевременным, — но все без исключения члены Исполнительной комиссии были возмущены тем, что ЦК выступил в роли цензора ленинских писем и статей [12]. Комиссия немедленно направила письмо в Центральный Комитет, в котором заявила о необходимости немедленного созыва «совещания ЦК с питерскими и московскими работниками для намерения политической линии партии» [13].

Несомненно, это письмо, направленное в ЦК 5 октября, сыграло определенную роль в пересмотре Центральным Комитетом своей позиции, но и взгляды самих членов ЦК по стратегическим и тактическим вопросам уже несколько изменились. Первое заседание реорганизованного Предпарламента должно было состояться 7 октября, и на совещании Центрального Комитета 5 октября сторонники бойкота Предпарламента настаивали на пересмотре ранее принятого решения. Теперь, когда в состав Предпарламента вошли представители имущих слоев населения, к тому же Предпарламент уже не играл значительной политической роли, из участников совещания только Каменев видел какую-то пользу в участии в нем большевиков. Абсолютным большинством голосов (при одном голосе против) было принято решение уйти из Предпарламента с первого же заседания [14].

В смятении от принятого решения, Каменев обратился в ЦК с заявлением, что «решение о выходе с первого же заседания... предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении... весьма опасном для партии», и просил освободить его от обязанностей в представительных органах [15]. По всей вероятности, именно Каменев настоял на том, чтобы вопрос о бойкоте вновь обсуждался 7 октября на собрании прибывших членов предпарламентской делегации большевиков. Как и 21 сентября, на этом собрании представителей низовых партийных организаций со всех концов страны дебаты затянулись и становились временами весьма жаркими. Троцкий опять выступил за бойкот. Возражая ему, Каменев, Рязанов и некоторые другие большевики уже не настаивали на участии в Предпарламенте, но доказывали, что уход делегации большевиков следует отложить до обсуждения какого-либо серьезного вопроса, благодаря которому он будет выглядеть достаточно обоснованным. В конце концов все-таки было принято решение бойкотировать Предпарламент, правда совсем незначительным большинством голосов [16].

Тем временем, не дожидаясь согласия Центрального Комитета, Исполнительная комиссия решила обсудить письма Ленина на собрании всех членов Петербургского комитета [17]. Собрание состоялось 5 октября в Нарвском районе, там, где обычно проходили собрания Петербургского комитета, и как раз в то время, когда ЦК обсуждал вопрос о бойкоте Предпарламента в Смольном. Комиссия решила, что собрание должно быть закрытым для всех, кроме избранных в установленном порядке представителей районов, поэтому всем прочим предложили покинуть помещение. Собравшимся зачитали письмо от 1 октября, в котором Ленин призывал к немедленному свержению Временного правительства, после чего по поручению Исполнительной комиссии Юкка Рахья [18] выступил с докладом о текущем моменте.

Рахья был одним из ультра радикалов в Петербургском комитете накануне июльских события, после которых он был заключен в тюрьму. Теперь он выступал от имени большинства Исполнительной комиссии, согласного с точкой зрения Ленина и готового следовать его призывам. Доказывая необходимость немедленного вооруженного восстания, Рахья обращал особое внимание на положение, сложившееся в Финляндии, на его родине. Финские войска, заявил Рахья, всецело поддерживают большевиков, политическая власть находится в руках большевистского Областного комитета. Комитет ведет непримиримую борьбу с Временным правительством, и сейчас сложилось такое положение, какое долго продолжаться не может, — он должен будет или сдать свои позиции, или идти дальше. Ходят слухи о предстоящем разоружении кронштадтцев, сообщил Рахья, и положение в Кронштадте становится все более взрывоопасным. Все это свидетельствует о том, убеждал слушателей Рахья, что вопрос стоит теперь о жизни или смерти партии, поэтому собрание должно сосредоточиться исключительно на обсуждении указаний Ленина и практических вопросов подготовки вооруженного восстания.

После Рахья выступил Володарский, в характере которого целеустремленность сочеталась со здравым смыслом и практичностью. Он представлял меньшинство Исполнительной комиссии, которое сомневалось в целесообразности вооруженного выступления в настоящий момент. Володарский призвал собравшихся тщательно взвесить все за и против и действовать осмотрительно. «Мы даем целый ряд обязательств перед трудовым элементом... — сказал он, — армия в настоящее время получает 80 процентов хлеба, девятую часть мяса и т.д. И никакие силы помочь этому не могут». По мнению Володарского, выждать было необходимо еще и в связи с деморализацией фронтовых воинских частей. «В армии, — говорил Володарский, — в настоящий момент нет ничего, кроме усталости... Солдаты хотят конца войны... Мы говорим, что предложим условия мира, но, если на наши условия не пойдут, мы пойдем на бой против империалистов. Тут мы натываемся на то положение, на которое армия никогда не пойдет». Володарский выразил сомнение в том, что у большевиков будут достаточные военные силы: «Петроград и Финляндия — не вся Россия, и я утверждаю, что даже в этом узком вопросе у нас сил недостаточно в сравнении с теми, которые будут двинуты на нас с фронта. Если бы мы могли надеяться иметь хлеба на 10 — 15 дней, если бы мы могли увеличить паек, это укрепило бы наше влияние, дало бы нам возможность встряхнуть армию. Но сейчас нам этого выполнить не удастся. Сейчас самые трудные месяцы по доставке продуктов... Все крестьянство за нами не пойдет, но если бы даже и вся деревня пошла за нами и согласилась дать хлеб — мы не смогли бы его подвезти».

Володарский доказывал, что и революционная ситуация за границей требует выждать определенное время. «Только условие революционной вспышки на Западе может нас спасти, — заявил он. — Революционное движение нарастает среди западноевропейских рабочих, и, если мы не форсируем события, этого союзника мы не теряем, а укрепляем». Рекомендую проявлять осмотрительность, Володарский, однако, отмежевался от правого крыла большевиков и той линии, которую оно стремилось проводить. Он не забыл также упомянуть, что расходится с Лениным не в отношении целей и задач большевиков, а по чисто тактическим вопросам. «Я боролся еще на Демократическом совещании против участия в Предпарламенте, — сказал Володарский. — Мы сделали непростительную ошибку... Если мы не хотим идти на авантюру, для нас революционный путь — отказаться от компромиссов и не форсировать событий, которые до известной степени форсируются сами по себе, и в то же время укреплять нашу боеспособность, чтобы, когда это будет неизбежно, взять власть. Взять власть еще мало. Надо показать массам, что наш путь, которым мы придем к власти, только он и правилен... Мы должны знать, что, став у власти, нам придется понизить заработную плату, увеличить количество выходов на работу, придется ввести террор... Отказываться от этих средств мы не имеем права, но и спешить к ним нам нет надобности».

Затем слово взял Михаил Лашевич, единственный из членов Исполнительной комиссии, о котором точно известно, что он разделял взгляды Володарского. С 1906 года Лашевич занимался почти исключительно революционной деятельностью. В 1915 году его призвали в армию, в июле 1917 года он был среди выступивших против Временного правительства солдат 1 -го пулеметного полка. Накануне июльских событий Лашевич был, вероятно, единственным большевистским активистом среди пулеметчиков, всерьез опасавшимся за

исход преждевременного восстания. Много времени он уделял работе в Петроградском Совете, был избран председателем фракции большевиков. На VI съезд РСДРП(б) Лашевич и Володарский были среди тех, кто возражал сторонникам ленинской точки зрения, считавшим, что Советы перестали быть революционными органами. Теперь он тоже выступал прямо и решительно, высказывая соображения и опасения практического характера, которые, очевидно, многие в то время разделяли, но по тем или иным причинам предпочитали не высказывать.

Лашевич признал, что наступил критический момент в развитии революции, но предостерег собравшихся от попыток форсировать события: «Мы... прослушали доклады по всем областям, поэтому для нас яснее, чем для вас, в каком положении находится сейчас Россия». Далее Лашевич сказал следующее:

«Стало несомненным, что Россия в областях экономической, промышленной и продовольственной идет к пропасти. Даже меньшевики признали, что необходимы революционные меры, чтобы смягчить и приостановить этот бег в пропасть. Даже немедленное заключение мира не остановит краха. Власть идет к нам. Это — факт. Взять ее надо, хотя 98 шансов за то, что... мы будем побеждены... Но надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать события... Взяв власть сейчас, мы тем самым отметем элементы, которые потом пошли бы за нами... Колеблющиеся элементы неуклонно идут к признанию революционных мер, к которым мы пришли два месяца тому назад. Стратегический план, предложенный тов. Лениным, хромает на все четыре ноги... Не будем, товарищи, себя обманывать. Хлеба мы не дадим. Имеется много шансов, что и мира мы не сможем дать. Во время войны я не мыслю революцию в Германии... Немедленное декретирование перехода земли к крестьянам навряд ли поднимет настроение масс, вряд ли они и тогда пойдут воевать. Все это надо хладнокровно учесть, когда мы будем решать. Тов. Ленин нам не дал объяснения, почему надо сделать это сейчас, до съезда Советов... В съезде Советов мы будем иметь аппарат: если за взятие власти выскажутся все делегаты, которые съедутся со всей России, тогда — дело другое. Я согласен с тов. Рахья, что нам надо готовиться. Мы стоим на вулкане. Каждый раз я встаю утром и думаю: не началось ли уже?..»

Секретарь Петербургского комитета Бокий прервал прения, чтобы прочесть собранию тезисы, подготовленные Лениным для доклада на 3-й Петроградской общегородской конференции, открытие которой было назначено на 7 октября. В тезисах Ленин обосновал свое отрицательное отношение к участию большевиков в Предпарламенте и к стремлению приурочить низложение Временного правительства ко времени открытия II Всероссийского съезда Советов и вновь настаивал на немедленной организации вооруженного восстания. Под впечатлением услышанного выступили еще ряд ораторов, осудивших взгляды Володарского и Лашевича и поддержавших точку зрения Ленина. В частности, Харитонов не без сарказма заметил: «Товарищи Володарский и Лашевич заразились атмосферой Смольного института... А я понимаю так, что мы, как политическая партия, стремимся к власти, и я думаю, что пришел такой момент, когда можно осуществить это».

Вновь выступил Рахья. «Я думал, что мы все здесь революционеры, — заявил он, — но когда слушал товарищей Володарского и Лашевича, я поколебался в своем мнении». В ответ на утверждение, что большевики не смогут удержать власть, так как окажутся не в состоянии поддерживать требуемый уровень промышленного производства и обеспечить снабжение продовольствием, Рахья возразил, что, по его мнению, тяжелое экономическое положение России является следствием саботажа промышленников и, когда установится революционная власть, эта проблема будет решена. Более того, настаивал Рахья, если большевики будут медлить с взятием власти, они не только не укрепят свои позиции в массах, но и утратят ту поддержку народных масс, которой пользуются в настоящее время.

По окончании заседания Центрального Комитета Бубнов, Сокольников и Смилга прибыли на собрание Петербургского комитета, где дебаты продолжались уже несколько часов. Все трое по своим политическим взглядам, были гораздо ближе к Ленину, чем к Каменеву, и они тут же не оставили в этом никаких сомнений. На собрание Петербургского комитета они пришли, чтобы узнать, как, по мнению лидеров городской организации большевиков, больше враждавшихся среди рабочих и солдат, отнесутся массы к большевистскому бойкоту Предпарламента, решение о котором только что принял Центральный Комитет, а также

как и когда, по их мнению, можно будет взять власть с наименьшими трудностями и потерями.

Возможно, были и другие участники собрания, кроме Володарского и Лашевича, склонные возражать против немедленного вооруженного восстания. Если так, по-видимому, решительный тон Бубнова, Сокольникова и Смилги заставил их воздержаться от высказывания своих возражений. Хотя никто не предложил (как следовало бы, исходя из указаний Ленина) поднимать массы на восстание, не теряя ни часа, многие наиболее авторитетные члены Петербургского комитета, в том числе Лацис, Калинин, Молотов и Евдокимов, высказались за решительные действия. Лацис, как всегда горячо и энергично, говорил о поражениях русского флота на Балтике, сказал, что гибель Балтфлота неминуема, а когда его не будет — взять власть будет гораздо труднее. Суть довольно невразумительного выступления Калинина заключалась в том, что вопрос о взятии власти уже решен партией и теперь нужно решить также очень трудный вопрос — выбрать наиболее удачный момент для выступления. Примерно в том же духе выступил и Молотов: «Теперь мы накануне переворота... Наша задача теперь не сдерживать массы, а выбрать наиболее удобный момент, чтобы взять власть в свои руки». Евдокимов говорил о том, что солдаты жаждут мира, поэтому нужно возможно скорее выступить против правительства, ибо «...может явиться второй Корнилов, который на этот раз выскажет лозунг мира, — и мы будем задушены».

Рахья убеждал участников собрания принять определенное решение по вопросу о подготовке к восстанию, но Володарский предложил подождать выносить резолюцию до Петроградской общегородской конференции, которая должна была открыться через два дня. Очевидно, это предложение устраивало большинство собравшихся — на этом опубликованный протокол обрывается [19].

Тем не менее очень скоро после собрания членов Петербургского комитета Исполнительная комиссия начала проводить в жизнь указания Ленина. Следовало ожидать серьезного сопротивления, однако, утверждал Лацис спустя десятилетие, подготовка к выступлению оставляла желать лучшего [20]. Исполнительная комиссия поручила трем своим членам — Феникштейну, Москвину и Лацису — уточнить, на какие воинские части могли рассчитывать большевики, и вообще готовить районные комитеты к активным действиям против правительства. Все эти меры, утверждал впоследствии Лацис, принимались без ведома ЦК [21].

Так или иначе намерения и конкретные шаги Исполнительной комиссии очень скоро стали известны в Центральном Комитете, члены которого еще с того времени, как были получены написанные в середине сентября письма Ленина, опасались необдуманных действий со стороны радикально настроенных лидеров городской организации большевиков. Члены Центрального Комитета немедленно собрались на заседание (7 октября), на котором, согласно краткому опубликованному протоколу, Бубнов сообщил, что Исполнительная комиссия Петербургского комитета избрала бюро по выяснению настроения в массах и обеспечению тесной связи с партийными центрами. После рассмотрения и обсуждения вопроса о необходимости координации действий и точного информирования было решено создать Бюро при ЦК «для информации по борьбе с контрреволюцией». От ЦК в Бюро были избраны Троцкий, Свердлов и Бубнов [22]. Позже в Бюро вошли Невский и Подвойский из «Военки», а также члены Петербургского комитета Лацис и Москвин [23]. Документального подтверждения активной деятельности Бюро нет; очевидно, оно было создано Центральным Комитетом главным образом для того, чтобы блокировать шаги, предпринимаемые Исполнительной комиссией.

Первое заседание Предпарламента состоялось вечером 7 октября в величественном красно-белом зале Мариинского дворца, где прежде заседал Императорский государственный совет. Присутствовали Керенский и министры возглавляемого им правительства, дипломатические представители союзных держав, почти пятьсот делегатов со всех концов России и немало представителей прессы. Красная драпировка, естественно, закрывала не соответствовавшие времени и цели собрания атрибуты царского режима — венчавшие трибуну наверху гербового щита Российской империи и написанный Репиным

к столетию Государственного совета групповой портрет участников его заседания. Почти все уже были на своих местах, когда появилась делегация большевиков в составе 53 человек — большевики прибыли прямо из Смольного после жарких дебатов. Заседание уже близилось к концу, когда после патриотических речей и призывов к поддержанию законности и порядка, с которыми выступили Керенский, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская и председатель Авксентьев, слово для заявления от имени делегации большевиков взял Троцкий.

Взойдя на трибуну, он громогласно заявил, что Временное правительство и Предпарламент — орудия контрреволюционной буржуазии, что революции грозит смертельная опасность. Явно обращаясь не к тем, кто собрался в зале, а адресуя свои слова петроградским рабочим и солдатам, он провозгласил, что теперь, когда кайзеровские войска угрожают Петрограду, правительство Керенского и Коновалова готовится бежать из столицы. Заглушая протестующие возгласы, Троцкий продолжал: «Мы взываем, покидая Временный Совет, к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности, революция в опасности, народ в опасности. Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии усугубляют ее. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: да здравствует немедленный, честный, демократический мир, вся власть Советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание!» Тут делегация большевиков поднялась со своих мест и пошла к выходу под неистовый шум, топот и выкрики: «Мерзавцы!», «Идите в свои опломбированные немецкие вагоны!» и т.п. [24]

Как и следовало ожидать, выступление Троцкого и демонстративный уход большевиков с заседания Предпарламента произвели настоящую сенсацию и повлекли за собой волну слухов и предположений о дальнейших шагах большевиков. Как сообщала «Новая жизнь» 8 октября, практически повсюду — в очередях, трамваях, просто на улицах — все только и говорили о восстании, которое готовят большевики.

Однако холодным осенним вечером 10 октября едва ли кто-либо обратил внимание на выходящих из Смольного поодиночке членов Центрального Комитета. Пряча лицо в воротник пальто, чтобы укрыться от морозящего дождя, они направлялись на конспиративное заседание, первое, в котором принял участие Ленин после приезда из Выборга в Петроград. По поручению Ленина место для заседания выбрал Свердлов, он же провел всю необходимую подготовку. По иронии судьбы, заседание состоялось на Петроградской стороне, в квартире Н. Суханова, меньшевика и видного публициста, летописца революции, который после Февраля присутствовал, кажется, почти на всех важных политических собраниях в Петрограде. Конечно, на самом заседании ЦК он не был. Жена Суханова Г. Флаксерман, большевичка с 1905 года, в 1917 году входила в состав редакции «Известий» и принимала участие в работе Секретариата ЦК. Она еще прежде предлагала Свердлову пользоваться квартирой в случае необходимости. Квартира, достаточно просторная, имела несколько входов, так что довольно много людей могли входить и выходить, не привлекая к себе особого внимания, и вообще была весьма удобной с точки зрения конспирации. Впоследствии Суханов писал в своих воспоминаниях, что были приняты особые меры, чтобы обеспечить его ночевку вне дома: «.. жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский, бескорыстный совет — не утруждать себя после трудов дальним путешествием» [25].

Председательствовал на заседании Свердлов, на повестке дня стояло шесть вопросов. Свердлов проинформировал собравшихся о некоторых текущих делах, и в частности сообщил, что, по не проверенным пока сведениям с Северного фронта, а также из Минска, контрреволюция готовит новые выступления. Он сообщил, что имелась возможность захватить штаб Западного фронта в Минске, и добавил, что из Минска поступило предложение оказать помощь Петрограду посылкой революционного корпуса.

Как вспоминала позже Коллонтай, в целях конспирации Ленин пришел на заседание в парике, без бороды и усов, всем своим видом весьма напоминая лютеранского пастора. В 10 часов вечера вокруг стола под висячей лампой, неярко освещавшей гостиную квартиры Сухановых, разместились члены ЦК, в том числе, кроме Свердлова, Ленин, Бубнов,

Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Коллонтай, Ломов, Сокольников, Сталин, Троцкий, Урицкий (в то время ЦК состоял из 21 человека). Протокол вела кандидат в члены ЦК Н. Яковлева. В центре внимания был доклад Ленина о текущем моменте.

В своем выступлении, продолжавшемся почти час, Ленин страстно призывал к немедленным решительным действиям. Он начал с того, что упрекнул товарищей за «равнодушие к вопросу о восстании». Партии, утверждал Ленин, давно уже следовало «обратить внимание на техническую сторону вопроса». В подтверждение того, что времени терять нельзя, Ленин вновь выразил убеждение, что Временное правительство собирается сдать Петроград немцам и тем самым задуть революцию (слухи о намерении Керенского сдать немцам Петроград без боя широко распространялись в то время, однако трудно сказать, действительно ли Ленин верил в возможность такого шага Временного правительства или же он просто ссылаясь на такую возможность, аргументируя свой призыв к немедленным активным действиям). Ссылаясь также на другие неопределенные слухи о возможном мирном урегулировании за счет России и отмечая факт революционного брожения за рубежом, он утверждал, что и международное положение таково, что большевики должны немедленно взять на себя инициативу. Ленин вновь, как в некоторых своих прежних письмах, сравнил сложившееся положение с положением в дни июльских событий, отметив, что теперь большевики пользуются гораздо большей поддержкой масс, что их подъем шел «гигантскими шагами». Равнодушие масс он объяснил их усталостью от слов и резолюций. «Большинство теперь за нами, — констатировал Ленин, — политически дело совершенно созрело для перехода власти». Теперь главное заключалось в том, чтобы говорить о технической стороне свержения Временного правительства, между тем большевики, отмечал Ленин, «вслед за оборонцами склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха». Он утверждал, что ждать до Учредительного собрания, «которое явно будет не с нами», бессмысленно, что это лишь осложнит задачу большевиков. Свое выступление Ленин закончил некоторыми конкретными предложениями о том, как и когда следует начинать восстание. Он сказал, что надо принять предложение из Минска и воспользоваться для начала решительных действий съездом Советов Северной области, который должен был открыться в Петрограде на следующий день, то есть 11 октября.

Протокольные записи о прениях по докладу Ленина весьма кратки и отрывочны. Выступления главных оппонентов Ленина — Каменева и Зиновьева — вообще не отражены в протоколе [26]. Судя по ссылкам в других документах того времени и некоторым опубликованным воспоминаниям, обсуждение было «продолжительным и бурным», закончилось под утро, причем высказались почти все присутствовавшие. Ломов и Яковлева говорили о взглядах лидеров московских большевиков по тактическим вопросам и о политической ситуации в Москве в целом. Урицкий выразил опасение, что в Петрограде может оказаться недостаточно военных сил, на которые партия могла бы вполне положиться, и в то же время отметил, что, если большевики действительно собираются начинать восстание, необходимы безотлагательные меры для обеспечения его успеха. Основываясь на сообщениях, поступавших в Секретариат ЦК, Свердлов выступил с информацией о положении дел в стране и, по-видимому, решительно высказался в поддержку восстания.

Поздно ночью участникам заседания пришлось поволноваться: раздался настойчивый стук в дверь. Тревога оказалась ложной — стучал, чтобы внести самовар и предложить собравшимся чаю, брат Галины Флаксерман Юрий, тоже большевик и воспитанник кадетского корпуса. Все успокоились, и заседание продолжалось. Выступили Каменев и Зиновьев, последний в целях конспирации появился без своей шевелюры, зато с бородкой. Каменев и Зиновьев пытались возражать против доводов Ленина и в теоретическом, и в практическом плане. Как и на Апрельской конференции, Каменев, объединившись с Зиновьевым, подчеркивал значение мелкобуржуазной стихии в развитии русской революции. Например, они утверждали (изложив свои аргументы позднее), что рабочий класс России не может самостоятельно довести революцию до конца: «Мы никогда не говорили, что русский рабочий класс один собственными силами способен победоносно завершить нынешнюю революцию. Мы не забывали, не должны забывать и теперь, что между нами и буржуазией стоит громадный третий лагерь: мелкая буржуазия. Этот лагерь присоединился к нам в дни корниловщины и дал нам победу. Он будет присоединяться к

нам еще не раз... Несомненно, сейчас лагерь этот стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам» [27].

Каменев и Зиновьев высказались скептически в отношении утверждения Ленина о том, что большевиков уже поддерживала большая часть населения страны и международного пролетариата. По их мнению, большевики пользовались поддержкой большинства русского рабочего класса и значительной части солдат, «но все остальное — под вопросом». Каменев и Зиновьев утверждали, например, что если бы при сложившихся условиях состоялись выборы в Учредительное собрание, то большинство крестьян голосовало бы за эсеров. Что касается поддерживавших большевиков солдат, их масса «отхлынет», если партии придется вести революционную войну. Не оспаривая целиком утверждение Ленина, что германскому правительству было бы затруднительно посылать войска против революционной России, предложившей демократический мир, Каменев и Зиновьев тем не менее считали, что это обстоятельство едва ли остановит немцев.

Мысль о том, что большевики могут рассчитывать на существенную помощь со стороны революционного пролетариата зарубежных стран, представлялась Каменеву и Зиновьеву необоснованной. Признавая наличие важных признаков нарастания революционного движения в Германии и Италии, они вместе с тем считали, что еще очень далеко до какой-либо активной поддержки пролетарской революции в России, которая объявила войну всей международной буржуазии. Более того, если теперь в России большевики потерпят поражение, международному революционному движению будет нанесен жестокий удар. Однако, утверждали Каменев и Зиновьев, если в Европе действительно произойдут крупные революционные события, большевики должны будут взять власть немедленно. Только после начала революции в европейских странах успех пролетарской революции в России будет обеспечен. Это время близится, но, несомненно, оно еще не наступило.

Наконец, Каменев и Зиновьев утверждали, что ленинская оценка сил большевиков, а также слабости и изолированности Временного правительства в Петрограде была сильно преувеличенной. По их мнению, ни рабочие, ни солдаты в бой отнюдь не рвались, и, во всяком случае, военная сила в распоряжении правительства намного превосходила войска, которые пошли бы за большевиками. Более того, при поддержке ЦИК, считали Каменев и Зиновьев, Временное правительство почти наверняка призовет на помощь войска с фронта, и партии придется бороться в условиях, совсем непохожих на те, что были в дни выступления Корнилова. Тогда партия сражалась рука об руку с эсерами и меньшевиками и даже некоторыми союзниками Керенского, «теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев плюс кадеты, плюс Керенский и Временное правительство, плюс ЦИК (эсеры и меньшевики)». В такой борьбе большевики неминуемо потерпят поражение.

Вместо немедленного вооруженного восстания, на котором настаивал Ленин, Каменев и Зиновьев предлагали партии проводить линию отказа от насильственных мер борьбы, ограничиться «оборонительной позицией» и всемерно добиваться поддержки масс, чтобы получить максимальное представительство в Учредительном собрании. Мнение Ленина о том, что, выиграв время, Временное правительство получит возможность сорвать созыв Учредительного собрания, они отвергали, утверждая, что буржуазия настолько слаба, что не сможет не только реализовать свои контрреволюционные замыслы, но даже и влиять на ход выборов в Учредительное собрание: «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии: буржуазия поставлена в такое положение, что, если бы она задумала попытку сорвать теперь Учредительное собрание, она опять толкнула бы мелкобуржуазные партии к нам, и курок револьвера был бы спущен». Большевики будут пользоваться все большей поддержкой масс, тогда как кадетско-меньшевицко-эсеровский блок будет постепенно распадаться. Позиции большевиков в Учредительном собрании совместно с Советами будут настолько сильны, что их врагам придется на каждом шагу идти на уступки, в противном случае им будет угрожать образование блока большинства из большевиков, левых эсеров, беспартийных представителей крестьян и других подобных элементов. Все это позволит большевикам, утверждали Каменев и Зиновьев, успешно проводить программу своей партии. Единственным препятствием, по их мнению, могло стать несвоевременное вооруженное восстание, за которое выступал Ленин и которое

поставило бы пролетариат под удар объединенных сил всей контрреволюции и мелкобуржуазной демократии.

Таковы доводы, выдвинутые Каменевым и Зиновьевым. Возможно, на более широком партийном форуме они могли бы даже и в то время найти поддержку, но на историческом заседании 10 октября не было Ногина и Рыкова, а все остальные примкнули к Ленину. За исключением Каменева и Зиновьева, все члены Центрального Комитета теперь держались единого мнения по важнейшим теоретическим вопросам и по вопросу, нужно или не нужно свергать Временное правительство и передавать власть Советам. Спорили в основном о том, как скоро и каким образом этого можно было добиться и следует ли приурочить момент начала восстания ко времени открытия II Всероссийского съезда Советов. В предложенной Лениным резолюции, наспех написанной огрызком карандаша на листке из ученической тетрадки, в частности, говорилось:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции... так и военное положение... так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, все это в связи с крестьянским восстанием и поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины... — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая, таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т.д.)».

Этот призыв братья за оружие был одобрен десятью голосами против двух. Коллонтай позже вспоминала, что сразу после голосования напряжение спало и все сразу почувствовали, что проголодались. Юрий Флаксерман поставил на стол самовар, и участники заседания набросились на сыр и колбасу с черным хлебом. Споры еще некоторое время продолжались, перемежаясь беззлобными шутками в адрес Каменева и Зиновьева [28].

Так закончилось это историческое заседание Центрального Комитета с участием Ленина. В советской исторической науке собрание членов ЦК вечером 10 октября часто трактуется как заседание, положившее конец всем сомнениям относительно целесообразности и своевременности вооруженного выступления, после которого большевистские организации повсеместно начали энергично готовить народное восстание, следуя указаниям Ленина. Такая трактовка не вполне соответствует действительности. С принятием 10 октября резолюции заседания ЦК не исчезли глубокие разногласия по вопросам тактики революционной работы, существовавшие между Лениным и некоторыми лидерами большевиков, имевшими более полное представление о сложившейся в Петрограде политической ситуации. Как будет видно из дальнейшего, разногласия по вопросам тактики еще окажут очень большое влияние на развитие революционного процесса.

Это, конечно, отнюдь не преуменьшает значения заседания Центрального Комитета 10 октября. Принятая на нем резолюция «О текущем моменте» поставила взятие власти «на очередь дня». Тем самым был сделан большой шаг вперед по сравнению с соответствующей резолюцией VI съезда РСДРП (б), в которой только признавалась необходимость вооруженного восстания. Резолюция заседания ЦК стала документом, говорившим об отказе от установки на мирное развитие революции, определявшим линию партии в течение всего сентября. В то время как Каменев и Зиновьев с тревогой наблюдали за дальнейшим развитием событий, сообщения о решении Центрального Комитета и призывы поднимать массы на вооруженное восстание направлялись в партийные организации по всей стране. Оглядываясь на период от корниловского мятежа до заседания ЦК 10 октября, нельзя не признать, что, как и в апреле, коренная перемена во взглядах в верхах партии большевиков является результатом неустанной деятельности Ленина. В течение нескольких недель он уговаривал, настаивал, грозил и в конце концов силой убеждения и личного авторитета добился того, что большинство членов ЦК приняло установку на восстание. Переходя к рассмотрению событий политической жизни в Петрограде и внутрипартийных разногласий по вопросам тактики в период с 10 октября до

взятия власти большевиками, не будем забывать об этой важнейшей личной победе Ленина. Едва ли можно в недавнем историческом прошлом отыскать пример, более наглядно и убедительно показывающий, какой огромной, даже решающей может быть роль личности в истории.

1. Советские историки и авторы воспоминаний называют разные даты возвращения Ленина в Петроград из Выборга. Официально принятая дата - 7 октября, но некоторые авторы утверждают, что Ленин вернулся в столицу 20 октября, по другим данным, Ленин вернулся гораздо раньше - 29 или даже 22 сентября. Противоречивость сведений о дате приезда Ленина в Петроград объясняется той секретностью, которая окружала все его шаги осенью 1917 г., обычными в сталинские годы извращениями и фальсификацией исторических источников, а также политическими и идеологическими соображениями сегодняшнего дня.

Покойный П.Н. Михрии утверждал, что Ленин вернулся в Петроград в конце сентября в пятницу, скорее всего, 29 сентября. Основания для такого вывода дал тщательный анализ воспоминаний Н.К. Крупской, М. Фофановой (в квартире в которой Ленин скрывался, возвратившись в Петроград), А. Шотмана и Э. Рахья (которые имели прямое отношение к организации его переезда), личного свидетельства Е. Стасовой (секретаря ЦК в сентябре и октябре), работ самого Ленина, написанных в тот период, и некоторых архивных документов. Доводы Михрина, изложенные в кн. под ред. И.И. Минца "Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде", с. 119-124, представляются весьма убедительными.

2. Ленин имеет в виду статью Зиновьева "Что не делать" ("Рабочий", 30 августа), написанную в дни корниловского мятежа. Зиновьев утверждал, что восстание рабочих в Петрограде должно потерпеть поражение, как Парижская Коммуна в 1871 г.

3. В.И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 34, с. 248-256.

4. Там же, с. 257-263.

5. Там же, с. 264-268.

6. Там же, с. 279-283.

7. Там же, с. 340-341. Учитывая, что произошло в дальнейшем в действительности, представляется целесообразным отметить, что в конце письма Ленин говорил о возможности "именно теперь... взять власть без восстания". Более того, он утверждал, что выступление против правительства может быть начато не в Петрограде, а в Москве. Дальнейшие события показали, насколько неверна была его оценка: "В Москве победа обеспечена и воевать некому".

8. В.И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 34, с. 284-286.

9. Протоколы Центрального Комитета, с. 74.

10. Л а ц и с М.И. Роль Петроградского Комитета в октябре. - "Петроградская правда", 5 ноября 1922 г.

11. Лацис М.И. Накануне октябрьских дней. - "Известия", 6 ноября 1918 г.

12. Там же. См. также Лацис М.И. Из октябрьских воспоминаний, - "Бакинский рабочий", 1 ноября 1927 г.

13. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 315.

14. Протоколы Центрального Комитета, с. 75-76. Следует отметить, что на заседании 5 октября не было некоторых членов ЦК, которые могли бы поддержать Каменева, - отсутствовали Рыков, Зиновьев и Ногин. На этом заседании ЦК принял решение, свидетельствовавшее о том, что наметился резкий поворот линии большевиков - по настоянию Сталина было решено в связи с назначенным на 10 октября открытием в Петрограде съезда Советов Северной области провести совместное расширенное заседание членов ЦК и представителей Московской и Петроградской организаций большевиков, очевидно, с целью коренного пересмотра задач и тактики. Протоколы Центрального Комитета, с. 76.

15. Там же, с. 76.

16. Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. 1, с. 456; Суханов Н. Записки о революции, т. 6, с. 247-248.

17. Лацис М.И. "Известия", 6 ноября 1918 г. Протокол. -В сб.: Первый легальный Петербургский комитет..., с. 296-306.

18. Юкка Рахья был братом Эйно Рахья, выполнявшего роль связного между Лениным и Центральным Комитетом.

19. Первый легальный Петербургский комитет..., с. 303. К тому же выводу приходит Комиссаренко (Деятельность партии большевиков, с. 369).

20. Лацис М.И. - "Бакинский рабочий", 1 ноября 1927 г.

21. Лацис М.И.- "Известия", 6 ноября 1918 г. Лацис М.И.- "Петроградская правда", 5 ноября 1922 г.

22. Протоколы Центрального Комитета, с. 80.

23. Лацис М.И.- "Петроградская правда", 5 ноября 1922.

24. "Речь", 8 октября. №и люков П.Н. Вторая русская революция, т. 1, ч. 2, с. 123-128; Суханов Н. Записки о революции, т. 6, с. 248-251.

25. С у х а н о в Н. Записки о революции, т. 7, с. 33; Флаксерман Ю. 10 октября 1917 года. - В сб.: Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л., 1967, с. 266.

26. Протоколы Центрального Комитета, с. 83-86. Протокол вела В. Яковлева, которая, как она вспоминала впоследствии, получила указание не делать подробных записей по соображениям безопасности.

27. Историкам пришлось бы нелегко, если бы Каменев и Зиновьев не подготовили подробного изложения своих доводов для распространения в широких партийных кругах сразу же после заседания 10 октября. См. полный текст в сб.: Протоколы Центрального Комитета, с. 87-92.

28. Протоколы Центрального Комитета, с. 83-92; Ломов Г. В дни бури и натиска. - "Бакинский рабочий", 5 ноября 1927 г.; Яковлева В. Подготовка Октябрьского восстания в Московской области. - "Пролетарская революция", 1922 г., № 10(22), с. 305-306; Коллонтай А. Рука истории. - "Красноармеец", 1919 г., № 10-15, с. 69; Ф л а к с е р м а н Ю. 10 октября, с. 264-269.